

*Селине и Джонни
с любовью*

МОЙ ДНЕВНИК

20 СЕНТЯБРЯ 1996 ГОДА

Не знаю, что и думать. Я в замешательстве.

Это вообще нормально? Он взрослый,
вдвое меня старше.

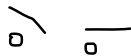
У нас нет будущего...

Конечно, у нас нет будущего.

БОЖЕ МОЙ

Как бы мне хотелось, чтобы мы были вместе.

Дорогой дневник,
кажется, я влюбилась
в препода по английскому.

OMG!

ПРОЛОГ

24 МАРТА

Детектив Роуз Пэлем опускается на колени: за кухонной дверью, рядом с мусорным ведром, лежит какой-то предмет. Окровавленный платок или бинт, а может, увядший цветок. Приглядевшись, Роуз понимает: это бахрама. Красная замшевая бахрама с сумки или сапога.

Бахрама валяется в лужице крови — видимо, оторвалась в момент убийства. Роуз фотографирует ее с разных углов, затем помещает в пластиковый пакет для вещдоков.

Место преступления — неприбранная кухня, обставленная старомодной сосновой мебелью. На плите громоздятся кастрюли и сковородки, большой деревянный стол завален салфетками, учебниками, газетами и бельем, приготовленным для глажки. В боковой пристройке, крытой дешевой стеклянной крышей, — рабочая зона: ноутбук, принтер, шреддер, настольная лампа.

Безобидная, ничем не примечательная кухня, каких миллионы по всей стране. Здесь пьют кофе,

ЛАЙЗА ДЖУЭЛЛ

делают домашние задания, завтракают, читают газеты. В такой кухне нет места мрачным тайнам, преступлениям на почве ревности, убийству.

Тем не менее на полу распростерто мертвое тело в луже крови. В раковине – нож, тщательно протертый мыльной губкой. Убийца явно находился в состоянии аффекта: на шее, спине и плечах жертвы двадцать ножевых ранений. Однако в остальной части кухни крови нет – ни следов пальцев, ни брызг, ни пятен. Значит, нападение произошло неожиданно и жертва не успела оказать сопротивление.

Роуз достает из кармана пиджака маркер и надписывает пакет с бахромой.

Описание: «Красная бахрома из замши/искусственной замши».

Место: «Перед холодильником, за дверью, ведущей из коридора».

Дата и время обнаружения: «24 марта 2017 года, пятница, 11 часов 48 минут».

Может быть, это несущественная мелочь, украшение дамской сумки. Однако в криминалистике мелочей не бывает.

Зачастую одна мелкая деталь проливает свет на всю картину.

**ТРЕМЯ
МЕСЯЦАМИ
РАНЕЕ**

– 1 –

2 ЯНВАРЯ

Джоуи Маллен положила на плиту букет цветов, провела пальцем по буквам, вырезанным в розовом граните.

САРА ДЖЕЙН МАЛЛЕН
1962–2016
ЛЮБИМАЯ МАТЬ
ДЖЕКА И ДЖОЗЕФИНЫ

– С Новым годом, мама. Прости, что вчера не пришла, мы с Альфи умирали от похмелья. Праздновали во Френчее, у Кэнди, в ее новой квартире. Помнишь Кэнди Бойд? Блондинка с длиннющими волосами, моя одноклассница. Ты хорошо к ней относилась, потому что она всегда с тобой здоровалась. В общем, у Кэнди все в порядке, она физиотерапевт или мануальный терапевт, точно не помню. Когда я сказала ей, что ты умерла, она расплакалась. Кому из подруг ни скажу, все плачут. Они очень тебя любили и вечно завидовали, что у меня

– 13 –

ЛАЙЗА ДЖУЭЛЛ

такая мама. Не стоило мне уезжать так надолго. Если бы я знала, как все сложится, вообще никуда бы не поехала. Жаль, ты не успела познакомиться с Альфи. Он просто прелесть. Работает в винном баре, но мечтает стать художником-оформителем. Сейчас он у мамы, красит кухню. По крайней мере, собирался красить. Мамаша наверняка усадила его на диван смотреть телик, а он и рад побездельничать. Альфи вообще дикий канительщик, фиг заставишь раскаться. Но все равно он тебе понравился бы. Он прикольный и милый, очень меня любит и хорошо со мной обращается. Знаю, в свое время я доставила кучу неприятностей. Прости. Жаль, ты не видишь, какая я стала. Я взрослею, мама. Наконец-то взрослею.

Джоуи вздохнула.

— Ладно, мне пора. Уже темнеет, страшно становится. Я тебя люблю, мама, и очень скучаю. Была бы ты жива, я бы заскочила в гости, попили бы чайку, посплетничали, перемыли косточки Джеку и Ребекке. Я рассказала бы про золоченые смесители. Хочешь, сейчас расскажу? Нет, давай лучше в следующий раз. Теперь будешь меня ждать. Сладких снов, мама. Люблю тебя.

Джоуи поднялась по крутой дорожке, ведущей из Нижнего Мелвилла в поселок на холме. Даже в белесых январских сумерках снизу хорошо прос-

Я НАБЛЮДАЮ ЗА ТОБОЙ

матривались дома «Мелвиллских высот», похожие на детские кубики: красный, желтый, бирюзовый, фиолетовый, салатовый, серо-зеленый, ярко-розовый, снова красный. Они удобно расположились на склоне холма, глядя с верхотуры на узкие улочки Нижнего Мелвилла, словно гости на частной вечеринке, куда посторонним хода нет.

«Статусные» — вот как говорят про эти дома: «статусные виллы в “Мелвиллских высотах”». Двадцать семь разноцветных особняков в викторианском стиле. Большую часть жизни Джоуи любила ими на расстоянии. Если ехать на машине, яркие коттеджи на холме служили знаком, что до дома осталось минут двадцать. Они провожали ее на работу и встречали по пути домой. Однажды, в студенческие годы, Джоуи пригласили на вечеринку в розовый особняк. Безжалостно поделенный на комнаты, сдаваемые в аренду, пахнущий сыростью и жареным фаршем, вблизи он оказался вовсе не таким ярко-розовым. Зато виды оттуда великолепные: река Эйвон, живописно изгибаясь, несет свои воды в сторону города, на другом берегу лоскутным одеялом раскинулись поля, а вдалеке высится холм, увенчанный короной из деревьев, каждую весну покрывающихся жизнерадостной зеленью.

Джоуи с детства мечтала жить в этом поселке, только никак не могла определиться с цветом